

МОЕ ТЕМНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Паркер С. Хантингтон
Л. Дж. Шэн

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

*Посвящается всем девчонкам,
чьи отцы разбили им сердца
прежде, чем это довелось сделать
мальчику...*

Прежде чем вы приступите к чтению, мы хотим поблагодарить вас за то, что дали Заку и Фэрроу шанс. Мы любим шутить, что эти двое — совсем как мы: столкновение культур, которым как-то удается найти общие точки. Мы обе еще никогда не писали таких книг, и для нас большая честь иметь такую возможность.

Я (Паркер) даже не думала, что смогу поделиться своей культурой с миром, тем более через любовный роман. Я наполовину вьетнамка, наполовину китаянка и выросла в округах Ориндж и Колумбия в чудной, невероятной, дружной семье. Многое из того, что описано в «Моем темном желании», основано на моем личном опыте. Безумном, почти неправдоподобном и увлекательном. Мне не терпится поделиться с вами частичками моей жизни. А ты, Ли, просто святая, раз согласилась написать эту книгу вместе со мной и без конца слушала, как я бубню о своем детстве.

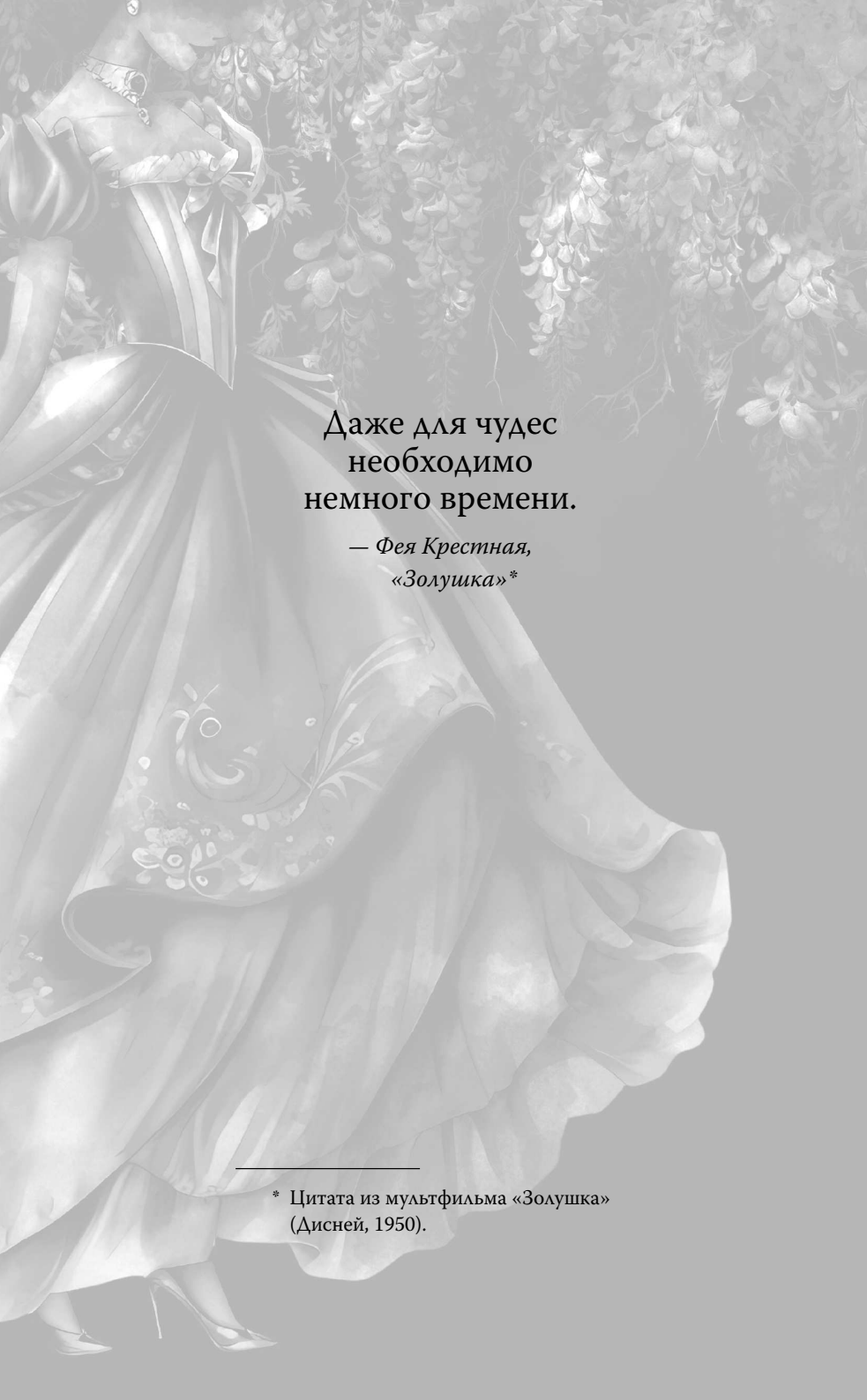
К слову... я (Ли) наслаждалась каждой секундой, пока писала эту книгу со своей лучшей подругой. История прекрасна, полна отменных перепалок, а еще отражает мою дружбу с Паркер. (Один процент наших разговоров посвящен работе. Остальные девяносто девять — еде и семье.) Паркер — моя спутница жизни в работе, а учитывая, что доля разводов среди американцев азиатского происхождения составляет всего 12,4%, велика вероятность, что мы вместе на всю жизнь.

Многое из того, что мне нравится в Заке и Фэй, рождается из наших ежедневных бесед. На этом закончу, чтобы вы могли погрузиться в историю. Приятного чтения!

Целуем и обнимаем,

Паркер и Ли.

(P. S. Тетя настоящая. И история с угнанной машиной тоже была. Я не верила, пока Паркер не показала мне квитанции. МНЕ ТОЖЕ НУЖНА СЕЛЕСТА. — Ли.)

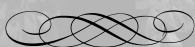

Даже для чудес
необходимо
немного времени.

— Фея Крестная,
«Золушка»*

* Цитата из мультфильма «Золушка»
(Дисней, 1950).

САУНДТРЕК

- LMM — Hwasa
LIPSTICK — Koven Wei & Aleebi
INVITATION — JUNNY ft. Gaeko
A\$\$\$IN — Beauty School Dropout
Punchdrunk — Vaines
LEFT RIGHT REMIXX — XG ft. CIARA & Jackson Wang
People Watching — Conan Gray
Braindead — Sion
i hope u see this — thuy
Pretty When U Cry — ieuan
this is how I learn to say no — EMELINE
Back To Me — The Rose
I Love You 3000 II — Stephanie Poetri & Jackson Wang
Free Them — ONE OK ROCK ft. Teddy Swims
Seven — Jung Kook ft. Latto
Yesterday — Jay Park
A Little Bit Yours — JP Sax ft. Eric Chou
Leaves — jaesun & Zeru
Tomboy — Destiny Rogers
TWIT — Hwa Sa
Over 85 — Hojean
Still Life — BIGBANG
cut my hair — MINO
When You Loved Me — Eric Chou & Shan Yi Chun
Cinderella's Dead — EMELINE
WINTER WITHOUT YOU — XG
Sinking — James Lee & Shan Yi Chun
All in — LAY, Victor Ma, & Shan Yi Chun

ПРОЛОГ

= *Зак* =

Мой отец всегда говорил, что люди — это бумага, а воспоминания — чернила. Но я даже не подозревал, что мою книгу окунут в смолу, а потом разорвут в клочья.

Я вырос со щедрым отцом. Деньги. Характер. Любовь. Прекрасные нравственные качества и еще прекраснее — зубы. Он дал мне все.

Но какой самый ценный дар он мне преподнес? *Свою жизнь.*

Двенадцать лет

Как и все несчастья, худший день моей жизни начался вполне безобидно.

Мы с папой ехали на заднем сиденье его «Бентли Флаинг Спур», а наш водитель то и дело перестраивался из полосы в полосу в отчаянной попытке лавировать в большом потоке машин. В ушах звенела нескончаемая череда автомобильных гудков. С неба лило как из ведра, гроза преследовала нас от аукционного дома. По радио так громко играла Bookends от Simon & Garfunkel, что я не мог расслышать собственные мысли.

Выдохнув на стекло и нарисовав на инее саблю, я почувствовал, как папа сверлит взглядом мой затылок.

Он вздохнул.

— Тебе бы пошло на пользу какое-нибудь хобби.

— Хобби бесполезны. На то они и хобби. — Я изобразил пальцы, обхватившие саблю, и кровь, капающую с острия. — К тому же у меня есть хобби.

Наш водитель фыркнул и включил левый поворотник.

— У тебя есть таланты, — поправил папа. — Если ты в чем-то хорош, это не значит, что получаешь от этого удовольствие. А праздно просиживать все лето в ожидании, когда вернется твой лучший друг, это не хобби.

Тупоголовый Ромео Коста. Просто взял и уехал. Даже не попрощался. Сначала в начальную школу в Италии. А теперь в какой-то унылый летний лагерь, в который его силком отправил отец. Из Европы он приехал редкостной бездарью. На этот раз я даже отчасти ожидал, что он вернется с оттяпанным куском мозга.

Я озадаченно посмотрел на папу.

— А зачем мне получать удовольствие от того, чем я занимаюсь?

Его губы тронула мягкая улыбка. Отец был внушительным. А может, просто казался таковым, потому что я еще не успел вымахать. Но он занимал все заднее сиденье своим телом. Своим *присутствием*. С черными волосами и морщинками от смеха в уголках глаз. И жутким шрамом на лбу, который он получил, когда сопровождал бойскаутов младшей группы. Меня попытался утащить орел, но отец в последний момент повалил меня на землю, как нападающий футбольной команды, ударился о шезлонг и рассек себе лоб.

Папа постучал меня по виску пальцем.

— Если тебе не нравится путешествие, то как ты сможешь насладиться его конечной точкой?

— А разве конечная точка жизни не *смерть*? — Я пригвоздил его взглядом, чтобы не пришлось наблюдать, как мое творчество испаряется с запотевшего окна.

Папа рассмеялся.

— Ты слишком умен — себе на беду.

— Это не отрицательный ответ, — пробормотал я, испытывая непреодолимое желание заткнуть уши, чтобы не слышать сигналящие машины и шум дождя.

— Конечная точка — это семья. Любовь. Место в мире, которое можешь назвать своим.

Я стряхнул веточку с кроссовки.

— У тебя много таких мест.

— Да, но только одно из них — мой дом. Именно там ты и твоя мать.

Я рассматривал его, наморщив лоб.

— Что мы такого сделали, отчего ты так счастлив?

— Вы просто существуете, глупыш. Этого достаточно.

Я развалился на сиденье, стуча по коленке от бесконечной скуки.

— Если мы делаем тебя таким счастливым, то почему ты вечно покупаешь хлам, чтобы себя порадовать?

— Искусство — это не хлам. — Папа накрыл мою ладонь своей, чтобы я перестал хлопать себя по колену. — А человеческая душа, воплощенная в материале. Души бесценны, Зак. Старайся беречь свою, как только сможешь.

Я пододвинулся ближе, поглядывая на бархатный мешочек между нами.

— Можно взглянуть?

— Не раньше твоего дня рождения.

— Это мне?

— Только носить его с собой нельзя. Это опасно.

— Тем лучше. — Я потер ладони, переключив внимание на шкатулку ручной работы из плотной хлопчатобумажной ткани в руках папы. — Ну а это?

Мы только что забрали трофеи, которые он завоевал в аукционной войне. Вернее, забрал папа. Я сидел в машине и собирал кубик Рубика, не утруждаясь даже на него смотреть, пока отец проходил процесс подтверждения личности и верификации. Меня никогда не интересовало искусство. Последние двенадцать лет папа пытался вбить мне в голову свою мудрость в надежде, что в нее отчасти проникнет и его одержимость. Как бы не так. Я мог подискутировать о преимуществах гунби* по сравнению с монохромной живописью**, но не мог заставить себя проявить хоть каплю интереса к вороху линий на бумаге.

Порой я втайне желал, чтобы у меня был такой отец, как у Ромео. Тот разрешал ему брать огнестрельное оружие и ручные гранаты. Ром даже умел управлять *танком*. Вот это круто.

Папа сдвинул тяжелую крышку и наклонил шкатулку ко мне.

— Подарок твоей матери на годовщину.

Между обитыми атласом стенками лежала круглая нефритовая подвеска, высеченная в форме льва. Красная нить обвивала изогнутый край, украшалась чередой бусин и заканчивалась огромным узлом Пан Чанг*** и двумя кисточками. Два миллиона долларов — и за что? Мама ее даже носить не станет. Порой взрослые принимают невероятно глупые решения. Папа называл их порывами и говорил, что они в человеческой природе. Может, я и не человек вовсе, потому что меня ничто особо не будоражило. Я всегда все тщательно продумывал и ничего не жаждал. Даже конфет.

* Техника реалистической китайской живописи.

** Суйбокуга (кит. шуймохуа, дословно «картина водой и тушью») — монохромная живопись тушью; картины, нарисованные черной тушью в темных и светлых оттенках на шелке или бумаге.

*** Китайский узел, символизирующий счастливую, бесконечную жизнь.

Я откинулся на спинку сиденья.

— Похоже на кусок сырной плесени, выросшей в пластиковом контейнере в шкафчике Оливера.

Другой мой лучший друг чистоплотностью не отличался от дикого кабана. Впрочем, это утверждение не вполне справедливо по отношению к кабану, поскольку у него нет возможности ежедневно принимать душ.

— Sha haizi. — *Глупый мальчишка*. Папа со смешком ответил мне подзатыльник. — Однажды ты научишься ценить прекрасное.

Дождь усилился, стуча в окна, словно молил его впустить. За искаженным от потоков воды стеклом мерцали красные и желтые огни. Гудки стали громче.

Почти приехали.

— Ты уверен, что маме понравится? — Я вытер нос рукавом рубашки. — Подвеска похожа на ту, что Селеста Айи* подарила ей несколько лет назад. — Почти уверен, что тетя купила ее в сувенирной лавке аэропорта по пути из Шанхая.

— Очень понравится. — Папа обвел пальцем очертания подвески, не прикасаясь к ней. — Жаль, что в январе мне пришлось лететь в Сиань. К тому времени, как я узнал, что на аукционе в Вашингтоне появилась вторая подвеска, ее уже кто-то купил.

— Есть еще одна? — На сей раз я нарисовал на стекле осьминога, лишь вполглаза наблюдая за дождливым Потомаком, что проносился за окном. Еще несколько миль — и мы свернем на Дарк-Принц-роуд. — Разве это не понижает ее ценность?

— Иногда. Но в данном случае подвески изготовили комплектом для него и для нее. Они принадлежали несчастным влюбленным во времена империи Сун.

* Тетя на китайском. Герой в тексте называет тетю на двух языках: и aunt (на английском), и Ауй (阿姨) — сестра матери на китайском, поэтому китайский вариант подан без перевода.

Я оживился. Наконец-то мы дошли до самого интересного.

— А что с ними случилось? Их обезглавили?

— *Зак.*

— А, точно. — Я спохватился и провел пальцем поперек горла. — В те времена применяли смерть от тысячи порезов*. Наверное, им искромсали все руки.

Папа помассировал виски, глядя на меня с легкой улыбкой.

— Ты закончил?

— Нет. Как думаешь, когда они отрезали людям носы без анестезии, те умирали мгновенно или от потери крови? — На дороге стало свободнее, и машина набрала скорость. *Наконец-то.*

— Закари Сан, удивительно, что ты мой сын...

Рев клаксона заглушил его голос. Шум дождя. Весь мир. Папа замолчал, широко распахнув глаза. Машина резко рванула в сторону, будто пытаюсь избежать столкновения. Папа отшвырнул шкатулку, бросился на меня и, обхватив руками, сжал до боли. Он пригвоздил меня к сиденью. Его лицо озарила ослепляющая вспышка фар.

«Бентли» опрокинулся на бок, а потом перевернулся на крышу. Мы приземлились вверх ногами. Папа так и остался на мне. По-прежнему ограждал меня. Все произошло стремительно. Громкий, пронзительный звон. Потом боль. Всепоглощающая, невыносимая боль. Всюду и вместе с тем нигде. Я разом ощущал онемение и агонию. Стал часто моргать, будто это поможет мне видеть или даже слышать.

— С тобой все хорошо, Закари. Все нормально. — Он произнес эти слова одними губами, его лицо оказалось в паре

* Лин-Чи — «смерть от тысячи порезов», или «укусы морской щуки», — самая страшная казнь путем отрезания от тела жертвы маленьких кусочков в течение длительного периода времени. Такая казнь следовала за государственную измену и отцеубийство, применялась со средних веков до 1905 года при династии Цин.

сантиметров от моего. Все его тело содрогалось. Отец опустил взгляд между нами, затем зажмурился и сделал прерывистый вдох. — *Wo sa.*

Я вытаращил глаза.. Он чертыхнулся. Папа никогда не ругался.

Что-то липкое и темное капнуло с него на мою правую ногу. Я смахнул это.

Кровь.

Это была кровь.

Папина кровь.

И тогда я увидел. Ландшафтные грабли пронзили его насквозь. Пригвоздили к двери. Зазубренный край упирался мне в живот, задевая кожу. Я втянул его, стараясь при этом дышать.

Я часто заморгал в надежде, что этот кошмар развеется. Папин вид приобрел четкие очертания: все его лицо в крови, осколки стекла торчали из кожи, словно иголки ежа. Повсюду кровь. Она текла по его виску от шрама на лбу к подбородку. Его кровь — теплая, с металлическим запахом, липкая — пропитала мою одежду, кожу, волосы. Я хотел оттолкнуть его. Хотел закричать. Он снова зашевелил губами, но на этот раз я ничего не смог разобрать из-за звона в ушах.

«Я тебя не слышу, — произнес я одними губами. — Повтори».

Я пытался пошевелиться, дотронуться до его лба, остановить кровотечение, но отец был слишком тяжелым, а мне постоянно приходилось втягивать живот, чтобы меня не пронзили грабли.

Красный мешочек.

Я потянулся за ним, как можно дальше протягивая руку. Грабли слегка прорвали кожу, но мне удалось схватить мешок и перевернуть его вверх дном. Нож. Я взялся за рукоять и постарался перерезать ремень безопасности. Он порвался сбоку, но все без толку. Я все равно не мог пошевелиться.

«Генри», — я попытался выкрикнуть имя нашего водителя. Нет ответа.

Оглянувшись через правое плечо, я увидел Генри, который прижался лбом к спущенной подушке безопасности, издавая непрерывный пронзительный рев клаксона. Я знал, что он мертв, хоть и не видел крови. Он походил на безжизненную марионетку, а его расширенные зрачки выглядели пустыми.

Папа снова пошевелил губами. Взглядом умолял меня услышать. Я хотел, правда хотел, но слышал лишь автомобильную сирену.

С папиной щеки на мою капнула слеза. Из моего горла вырвался свист, будто капля обожгла меня в том месте, куда упала. Папа никогда не плакал. Он все медленнее шевелил губами, накрывая меня своим телом. Защищая от всего, что происходило или уже произошло. Мы оказались в заточении покоренной стали. Я при всем желании не смог бы выбраться из-под него.

Мне удалось сжать руку в кулак и стиснуть его рубашку, пока он не рухнул на меня. Руки дрожали под его весом; одной я все еще сжимал рукоять ножа. Папины глаза оставались открытыми, но я знал, что он мертв. Его душа уже унеслась прочь. И я наконец-то понял, что он имел в виду, когда сказал, что души бесценны.

Чувства возвращались ко мне одно за другим, словно потоки дождя.

Сперва слух.

— Там есть кто-то еще?

— Ребенок.

— Живой?

— Черт подери... Сомневаюсь. Грузовик врезался в них на полной скорости. У них не было шансов.

Затем осязание.

Папа был холодным. Очень холодным. Слишком холодным. Я знал, что это значит. Кусочек плоти упал с его лица мне на грудь. Если он и был горячим, я этого не почувствовал. Я содрогался всем телом, замуриваясь, борясь с желчью, подступившей к горлу, и не переставая втягивать живот.

Слезь с меня. Я не хочу чувствовать твою смерть. Я вообще не хочу чувствовать.

Наконец, я снова обрел дар речи.

— Жив, — прохрипел я, слыша, как люди стонут, кряхтят и кричат, пытаюсь перевернуть машину. — Я жив.

Но я вовсе не чувствовал себя живым.

— Держись, приятель, — крикнул кто-то. — Мы тебя вызволим. Но это займет некоторое время, хорошо?

— Хорошо.

Не хорошо. Ничего хорошего.

Я поджал губы, слушая их разговоры.

— Погоди. А это не?..

— Да. Бо Сан. Тот самый Бо Сан. — Тишина. — Да твою ж мать.

— Он?..

— Придется сперва срезать его, чтобы добраться до ребенка. В него воткнулись грабли через расплавленный металл.

— Черт подери. Бедный парень.

ГЛАВА 1

= *Джэрроу* =

— **С**лышала, что у ее парикмахера подписчиков в Instagram* меньше, чем у нее самой. — Тэбби лопнула жвачку, сидя на заднем сиденье «Мерседеса GLE». — А у нее типа четыре тысячи? Пусть тогда мясник из «Балдуччи» делает прическу, и дело с концом.

— Она щеголяет челкой, будто сейчас 1999-й. Никому не хватает смелости сказать ей, что челка ужасно смотрится на кудрявых волосах. — Реджи захихикала. — И балаяж у нее прямо-таки рыжий. — Тэбита и Реджина Баллантайн, дамы и господа. Мои сводные сестры. Вместе они извергали столько яда, что его хватило бы для уничтожения целого густонаселенного острова.

Моя мачеха Вера фыркнула, сидя за рулем.

— Будет вам, девочки. Как немилосердно. — Слова не вязались с ее злобным хихиканьем. — Сильвия — хорошая девчонка. Простовата, но это не ее вина. Вы видели ее мать?

Тэбби фыркнула.

* Деятельность социальных сетей Facebook / Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).